

ДРЕВНЕРУССКИЙ «ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ» И ВОЕННАЯ НЕУДАЧА ПОД НАРВОЙ (ПОПЫТКА ИСТОРИОСОФСКОГО АНАЛИЗА)

Н.В. Асонов

Поражение русской армии от шведов под Нарвой в ноябре 1700 г. многими историками зачастую воспринимается исключительно как комплекс военно-стратегических просчётов русского командования в сочетании с общей отсталостью стрелецких полков. Иногда еще ссылаются на неблагоприятные природно-климатические условия, заметно осложнившие ведение боевых действий.

Так, например, крупнейший современный исследователь петровской эпохи Н.И.Павленко, рассматривая главные причины Нарвского разгрома, пишет: «Расположение русского лагеря было ориентировано на осаду, поэтому его укрепления растянулись тонкой линией протяжённостью в 7 вёрст. Перед началом сражения повалил обильный снег, позволивший шведам незамеченными приблизиться к позициям. Стремительная атака шведов вызвала всеобщую панику» (1). Историк отмечает также тот факт, что боеспособность даже саксонской армии (нашего союзника времён Северной войны) «была тогда выше русской» (2).

Иностранные авторы, правда, иногда указывают на выказанную Петром I трусость: за сутки до сражения он бросил свою армию и укатил в глубь России. Оставшись без царя-батюшки, стрельцы - де растеряли боевой задор и были легко сломлены. Отечественная научная мысль данный факт, естественно, отрицает.

Впрочем, ещё в конце первой четверти XVIII в. Пётр I, редактируя «Гисторию Северной войны», объяснял бедственный итог побоища почти теми же мотивировками. Не преминул он оправдаться и перед политическими злопыхателями. Раскрывая суть своего неожиданного исчезновения с театра военных действий, наш император сообщает: «Против 18 числа государь пошёл от армии в Новгород для того, чтобы идущие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо чтоб иметь свидание с королём польским» (3).

Да и как ещё можно обосновать фантастический успех небольшого шведского отряда, насчитывающего, по разным данным, от 8 до 12 тыс. человек, почти не имеющего артиллерии и возглавляемого восемнадцатилетним юнцом Карлом XII. Армия «москвитов», на момент сра-

жения, имела армию от 34 до 80 тыс. бойцов при 145 пушках, 28 мортирах и 6 гаубицах (4).

Таким образом, пытаясь подойти к анализу важнейших причин происшедшего только с «материальных» позиций и увязнув в сопоставлении цифр, мы никогда не придём к пониманию подлинных причинно-следственных связей, идущих от сознания, мировосприятия русского общества конца XVII столетия. В самом деле, изучая ситуацию, сложившуюся на 17–19 ноября 1700 г., «в классическом ключе», невольно сталкиваешься с рядом вопросов, на которые невозможно найти вразумительного ответа. Скажем, непонятно, почему после первых, и притом успешных, стычек со шведами высланная в боевую разведку для определения сил приближающегося противника конница Б.П.Шереметева вынуждена была стремительно отступить. В скобках заметим, что по своему численному составу она немногим уступала неприятелю, уже уставшему от форсированных переходов. Почему, после её отхода, русская армия, имея в запасе целые сутки и зная о численности шведов, вообще не приготовилась к отражению атаки? Не было предпринято ни одной попытки перейти в наступление, используя подавляющее численное и огневое превосходство. Подобная беспечность извинительна для подростков, играющих в войну, но не для полевых командиров, имеющих за плечами хоть какой-то боевой опыт. В любом случае, нападение шведов не могло быть внезапным (5).

Теперь поговорим о слабости нашей армии. Почти все русские полки, прибывшие под Нарву, уже успели вместе с Петром I «понюхать пороху» в азовских походах. У них был опыт взятия мощных укреплений. Между тем, 2 месяца (с 16 сентября по 19 ноября) наши войска бездарно топтались на месте, словно бы вообще не собирались штурмовать вражеские бастионы. Складывается впечатление, будто бы героика 1695–1696 гг. была начисто забыта и царем, и его армией. А может, этой героики вовсе не было?

И последнее в ряду печальных недоумений. Почему снежная буря слепила глаза только стрельцам, и растянутые позиции не помешали выстоять до глубокой ночи Преображенскому, Семёновскому и Лефортову полкам? Именно против них Карл XII бросил свои лучшие силы, кстати, уже много лет не упражнявшиеся в военном ремесле (последняя война для Швеции закончилась

в 1679 г. пирровой победой) (6).

Ответить на эти и многие другие загадки раннего этапа правления Петра I мы сможем, если вспомним, чем была тогда для подавляющей массы русских людей религия. Как справедливо заметил Ф.Энгельс, «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим...церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления» (7). Наиболее распространённым, публичным «средством массовой информации» для населения России в это время продолжал оставаться храм. Не забудем обратить внимание и на сохранившиеся средневековые представления о неразрывной двойственности бытия в его вещественном и духовном проявлениях. Эпидемии, капризы природы, военные неудачи, нашествия напрямую связывались с греховными делами и помыслами: «Когда ты видишь смуты и войны или иные бедствия, не думай, чтобы всё это было простым и обычным явлением мира сего; ... знай, что бедствия насылаются волею Бога за наши грехи...» (8).

Подобный подход к осознанию бытия не удивителен. Ведь одной из отличительных особенностей той поры оставалась неистребимая вера людей «в миф, а не в историю» (9). Важнейшими составляющими общественного сознания прочно выступали эсхатологические ожидания, основанные на пророческих сказаниях Даниила и Иоанна Богослова. Все происходящие в конце XVII в. события продолжали восприниматься в русле библейского учения о четырёх этапах постепенной гибели человечества. Каждый из этапов соответствовал одному из четырёх «всемирных царств зла». Эпоха Вавилонского, Македонского и Римского царств считалась пройденной (включая «Третий римский» московский период как кульминационный). Русское православное общество напряжённо ожидало прихода антихриста. Явиться он должен на развалинах Рима—сиречь Московской державы. Именно здесь до второго пришествия сын дьявола создаст последнюю, самую страшную, империю зла и установит новые порядки. Жуткие картины апокалипсиса особенно неотступно преследовали тех, кто решил после проведённой Никоном церковной реформы остаться в лоне традиционного православия, освящённого и закреплённого постановлениями Стоглавого собора 1551 г. Такие люди во всём, что так или иначе выходило за рамки привычной обыденности жизни, видели знамения скорого конца света.

Заложенный в сознание драматизм полностью исключал веру в поступательное развитие России. После 1653 г. прежде всего в старообрядческих кругах стремительно усиливается пессимистическая уверенность в деградации обще-

ства и государства, идущих от нравственного к безнравственному, от правды ко лжи. Древняя христианская эсхатологическая идея уверенно превращала предсказанную «перманентную катастрофу в норму жизненного ритма, сужающего горизонт исторической надежды» на лучшее (10).

Масла в огонь религиозных страстей подливали новейшие расчёты грядущего всеобщего конца. Сначала его планировали на 1666 г., но скоро была найдена досадная погрешность. Не учли возраст Христа. Теперь математические выкладки доказывали, что пришествием Сына Божия сатана оказался связан на тысячу лет. К этой тысяче надо прибавить год сошествия Христа во ад, а затем сложить с числом сатаны. Вышло: $1\ 000 + 33,5 + 666$. Ответ давал искомую цифру — 1700 г. Таким образом, эта дата должна открыть скоротечную эпоху царства антихриста. На все правление классические церковные догматы отводили ему три с половиной года. Получалось, что полный конец света наступал в 1703 г. (11). Следовательно, патриарх Никон являлся всего лишь предтечей подлинного антихриста. Его миссия заключалась в подготовке необходимых условий кардинального переворота. Такого переворота, который перетряхнёт до основания все структуры политической, церковной, социально-экономической, культурной и личной жизни граждан.

Дело в том, что «революционная суть» антихриста, кроме прочих деталей, включает в себя очень важный аспект, мимо которого русский человек старой веры не мог пройти равнодушно. Это «патологическое стремление» к переименованию, то есть замене одних символов другими. В отечественной православной церкви символ всегда оставался сродни языку общения с Богом. Им дорожили, за него шли на смерть. Для идеалистического сознания «символ считался не просто игрой ума, а раскрытием тайного смысла предмета культа, обнаружением скрытых в нём истин (12). Внедрение же иного знакового набора означало потерю обрётённой истины, переход на язык князя тьмы. Таким образом, антихрист легко узнавался через проявляемый им бунт против традиционных, «своих», ценностей. Оставалось лишь дожидаться того из представителей высшей власти, кто больше других проявит жестокостью бескомпромиссности в борьбе с русской стариной. Он и выдаст в себе антихриста.

Знамениями его пришествия в мир должны служить разнообразные природные и политические катаклизмы апокалипсического характера. Попутно они обязаны были обличать совершённое страной предательство истинной веры, обвал её последнего бастиона—русской церкви. Может показаться странным, но недостатка в подобных знамениях вторая половина XVII сто-

летия не знала.

Экстремальные природные явления неожиданно учащаются в 50—60-е гг., после возведения Никона в сан патриарха. На них сразу приходится 10 голодных лет. В 80-е гг. население России потрясло три опустошительных нашествия саранчи. В 90-е гг. продолжились небывалые засухи, а затем сразу наступило несколько дождливых лет, стувивших почти весь урожай и вызвавших в 1696—1697 гг. чрезвычайный голод (13). Страдания россиян умножились с появлением в приграничных со Швецией районах эпидемии (14). Протопоп Аввакум по этому поводу замечает: «А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 (1654) году, пред мором за месяц или меньше ... перед Петровым (разрядка - Н.А.) днем ... являл Бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казнил и законы церковныя, и сего ради Бог изливал фиал гнева своего на русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, все помним. Потом, минув годов с четырнадцать, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров (разрядка - Н.И.) пост.... Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное... в день века» (т.е. в последние дни перед концом света - Н.А.) (15).

С начала 80-х гг. XVII в. именно северо-западный регион начинает играть в сознании староверов роль некоего «географического эпицентра» сбывающихся апокалипсических откровений. Так, в 1681 г. над Москвой возникло новое небывалое «знамение велие» в виде звезды, летящей в сторону Швеции. «И поиде от звезды хвост узок, и нача распространяться в ширину, яко на поприще. Людие ж вси, видя такое, дивяся и недоумевашуся: что будет? Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда не к доброму делу. На кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение, и бывает кровное пролитие многое. Так и случилось» (16).

Вслед за исчезновением метеорита стали исчезать с лица русской земли главные покровители и инициаторы никоновской реформы. В августе 1681 г. умирает сам Никон, в июле того же года— жена царя Фёдора Агафья, польская уроженка, покровительница западничества, снискавшая за это особую любовь у иностранцев и ненавидимая русским консервативным большинством за то, что под её влиянием «начали в Москве волосы стричь, бороды брить, кунтуши польские носить, школы латинские открывать» (17). Через шесть дней после смерти царицы отдает Богу душу сын Фёдора царевич Илья, а в начале 1682 г. уходит в мир иной и сам государь (его отец Алексей Михайлович умер ещё в 1676 г.).

Небесная кара на отступников веры не

возымела своего действия. Младшие представители династии Романовых и патриарх Иоаким не думали проводить контрреформы. Попытка в 1682 г. стрельцов восстановить авторитет старой веры и свои пошатнувшиеся льготы провалилась. Наоборот, социальное положение «служилых людей по прибору» все более и более ухудшалось и достигло, после смерти в 1696 г. Ивана V, кризисного состояния. Казалось, одной из внутривосточных задач Петра I было превращение стрельцов в бесправное служилое сословие, обязанное только проливать кровь за царя. Уже сразу после взятия Азова московских стрельцов разлучили с семьями, оставив нести пограничную службу; жалованье продолжали выплачивать крайне нерегулярно, а о доходных промыслах пришлось забыть вовсе. Резко обостряются отношения рядовых стрельцов (в значительной мере поддерживающих учение старой веры) с новым высшим полковым командованием.

В умах людей, наэлектризованных отчаянием, не мог не встать вопрос: «Кому мы служим? Что защищаем?» Несложные логические размышления приводили к выводу о том, что служить-то приходится делу антихриста! И традиционный православный патриотизм, всегда ставивший служение вере выше служения царю (тем более царю-антихристу), взывал восстать против Петра, всего его правления, быстро сметающего внешние символы прежней Святой Руси. Вводимые повсеместно табакокурение, бритьё бород, мужские парики и чулки, иностранная речь как признак образованности, но не веры, иностранцы на высших командных постах и многое другое раскрыли Петра как главного непримиримого врага старых русских символов.

Причём бурные разглагольствования царя о его преданности православию никак не вязались с конкретными поступками монарха. В 1696 г. русские люди впервые со страхом и недоумением, крестясь, взирали на появившиеся в селе Коломенском изображения невиданных дотоле полуголых языческих богов Геркулеса и Марса, но ещё раньше по Москве расползлись слухи о поклонении Петра некоему Бахусу. Поговаривали даже о создании при царе специального «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора» со своей внутренней иерархией чинов от патриарха до дьякона (18). Не узнать в этом грубую сатанинскую пародию на святую православную церковь и её структуру мог разве что глупец.

Более того, утверждаемая усилиями беснующегося государя на фундаменте Третьего Рима какая-то уже другая, чужая держава требовала не только новой религии, не только юридического закрепления новых отношений в обществе, но и новой армии, оберегающей её псевдоправослав-

ные идеалы безнравственности. Такой вооружённой опорой стали бывшие потешные полки, набранные из деклассированных элементов, ещё в ранней юности оторванных от русской религиозно-исторической почвы, одетых и вымуштрованных на западный лад, слепо, безоговорочно, по собачьи, преданных хозяину-реформатору.

Как бы в насмешку над стрельцами за их привязанность к «древнерусскому» патриотизму, Пётр I на проводимых манёврах отводил им роль авангарда западной цивилизации в лице католической Польши. Между тем, преображенцев, семёновцев и лефорфтовцев, возглавляемых иностранцами, царь неизменно представлял защитниками Руси. В военных же походах под Азов на самые опасные участки боя, напротив, ставились исключительно стрельцы, несшие колоссальные потери (19). Так зародилась и окрепла глубокая взаимная неприязнь стрельцов и солдат.

несколько недель унесла сразу тысячи человеческих жизней. Растерзанные трупы правительство соблаговолило убрать только весной 1699 г.

Тогда-то и родилась на северо-западе России среди последователей протопопа Аввакума уникальная версия, объяснившая лютую жестокость царя к стрельцам. «Он не государь, а антихрист;... он и стрельцов переказнил за то, что они его еретичество знали, стрельцы прямые христиане были, не бусурмане; вот солдаты — так те все бусурмане» (23).

Надо сказать, и сам Аввакум с нескрываемым почтением относился к стрельцам. «Хоть они и напиваются допьяна и матерно ругаются, а у Спаса они лучше чернецов, носящих рогатые клобуки; если бы не страсть их к вину и непристойная ругань, они равны были бы с мучениками» (24). Между тем казни и пытки продолжались.

За страданиями и плачем пришел страш-

Медаль «На уничтожение стрельцов», выбитая по приказу Петра I.

Последняя возможность к примирению между двумя воинскими формированиями рухнула в 1698 г. Тогда под Новым Иерусалимом верные Петру части артиллерийским огнём рассеяли 2200 стрельцов, направлявшихся к Москве остановить «всесовершенное благочестие испровержение» (20). Вскоре стихийные стрелецкие бунты были подавлены и в других городах страны. Узнав о случившемся, донское казачество, являвшееся крупным оплотом старообрядчества, пообещало приехавшему от государя чиновнику «перерубить потешных, как стрельцов перерубили» (21).

Однако жестокой расправой царь решил остудить горячие головы. Началась кровавая вакханалия, сопровождавшаяся массовыми репрессиями и казнями непокорных служилых людей, а также священнослужителей, их поддержавших. «Справедливая кара Петра», по выражению М.В.Ломоносова, обрушившаяся на подданных, злоупотребивших добродетелью государя (22), за

ный 1700 г. Пётр объявил войну Швеции. Войну, может быть, и понятную для солдат и ближайшего окружения царя, но только не для основной части войска. Готовящийся поход к Финскому заливу не мог не возбудить внутренний ропот протеста. Не первый век Русь гордилась своим нравственным превосходством над Западом, забывшим Христа ради «чрева и славы» (25). Сохранение «железного занавеса» традиционно рассматривалось как важнейшее условие обеспечения внутренней духовной чистоты Нового Израиля. Согласимся, что в данном контексте потеря Московской державой в начале XVII в. балтийского побережья выступала на самом деле не трагедией, а великим благом. Закрывалось «невское окно», разносившее по стране тлетворные соблазны романо-германского мира. Теперь же Пётр I решает прорубить его вновь, дабы кратчайшим путём шла из Европы необходимая помощь на разрушение Третьего Рима и утверждение царства антихриста.

Возник удивительный исторический парадокс. Карл XII, двинув полки к Нарве, оказался неожиданным союзником русских консервативных кругов, боровшихся с нововведениями, тогда как другие западные страны, к которым тянулся через Балтику царь, в целом попадали в разряд его потенциальных политических друзей.

Следовательно, исходя из вышеизложенного, мы можем говорить о сильных антипетровских настроениях, охвативших значительную часть стрельцов, казаков. Эту категорию лиц, составлявших большинство русской армии, симпатии к традиционному православию не могли толкнуть в бой за такого монарха. Драться за него — значило помогать неправомерному делу; бороться с ним — значило выступить против «бича Божия», насланного за прегрешения в вере. Оставался один путь — непротивление злу насилем, бездействие в критической ситуации.

Вот почему стрелецкие полки не могли себе позволить вести активные боевые действия. Вот почему, поняв истинные причины будущего бездействия основной части армии, Пётр бежал из неё, и только бывшие потешные полки, набранные из людей иной мировоззренческой ориентации (или впоследствии её изменивших) дрались за царя, его славу, тогда как другие почти без боя бежали на свою сторону границы.

Молодой Карл XII не знал всего этого и потому с презрением отнёсся к русским, смеясь над их «трусостью» и неумением драться: «Нет никакого удовольствия биться с русскими, по-

В.И.Суриков. Стрелец в шапке. Этюд. 1879 г.

В.И.Суриков. Утро стрелецкой казни. Фрагмент. Пётр I. 1881 г.

тому что они не сопротивляются, как другие, а бегут; если бы Нарва была покрыта льдом, то нам едва ли удалось убить хотя бы одного человека» (26). Но как ещё, собственно говоря, король мог отнестись к русским, коль видел слабую подготовку собственной армии, два отряда которой в пылу атаки перепутали намеченные позиции и вступили друг с другом в бой, перестреляв немало людей. Не разобрался в идейной подоплёке и новый царский главнокомандующий фон Круи. Увидев беспричинное бегство русских, он злобно воскликнул: «Пусть сам чёрт дерётся с такими солдатами!» — и сдался в плен.

Нужные выводы сделал один Пётр I. После поражения под Нарвой этот человек бросился пополнять армию не обученным стрелецким резервом, разбросанным по городам России, а вольными людьми, не смущаясь тем, что они впервые держали в руках оружие и несли по неопытности огромные потери. «Служилых людей по прибору» велено было в солдаты не брать. Главным критерием выступала личная преданность царю. Она одна не допустит до второй Нарвы и штыками обеспечит прочность преобразований, заставив молчать недовольных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1975. С.86.
2. Там же. С.88.
3. Журнал или Подённая записка Петра Великого...С 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. I. СПб, 1770. С.5.
4. Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954.

- С.464,465; Даймонт М. Евреи, Бог и история. М.,1994. С.248; Митяев А.В. Ветры Куликова поля. М.,1984. С.141.
5. Очерки истории СССР...С.465.
6. Всемирная история. Т.V. М.,1958. С.150.
7. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т.7. М.,1956. С.360-361.
8. Страдания святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Фёдора // Избранные жития русских святых (X—XV вв.). М.,1992. С.174.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М.,1993. С.142.
10. Исупов К.Г. Русский Антихрист: сбывающаяся антиутопия // Антихрист: Антология. М.,1995. С.5.
11. Карташёв А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.2. М.,1992. С.222.
12. Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века // Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992. С.167.
13. Борисенков Е.П. и др. Рокот забытых бурь // Наука и жизнь. 1981. № 9. С.114.
14. Всемирная история. Т.V. С.154.
15. Житие пророка Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.,1997. С.67.
16. Записки о стрельцком бунте // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 2. М.,1989. С.523.
17. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.VII. М.,1991. С.248.
18. Павленко Н.И. Указ. соч. С.46,77.
19. Восстание московских стрельцов -1698 год. Материалы следственного дела: Сб. документов. М.,1980. С.39.
20. Челобитная московских стрельцов Петру I // Восстание московских стрельцов -1698 год. Материалы следственного дела: Сб. документов. М.,1980. С.40.
21. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.VII. С.553.
22. Ломоносов М.В. Описание стрельцких бунтов и правление Софьи // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т.2. М.,1986. С.47.
23. Ключевский В.О. Сочинения. Т.IV. М.,1989. С.214.
24. Житие пророка Аввакума. С.47.
25. Слово о лживых учителях // Рыбаков Б.А. Стригольники. М.,1993. С.79.
26. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.VIII. С.603.

